

Как правило, кроме семейной жизни и (как альтернативы) монастыря, женщина нигде более не проявляла себя. Она всегда находилась на вторых ролях в обществе. Так в старообрядчестве часто говорили: «жена да убоится мужа своего». Женщина могла подвергаться оскорблениям: «женщина есть тварь хилая и ненадежная». Если в семье рождались только девочки, то отношение общины к данной семье было менее уважительным, нежели к другим семьям. Когда девочка выросла и ей было пора выходить замуж, она в большинстве случаев не могла сама выбрать себе жениха, за неё решение принимал отец [1, с. 452]. Если, выйдя замуж, женщина не могла родить ребёнка, то виноватой считалась она. Что касается воспитания детей, то женщина могла воспитывать только девочек, учить их домашней работе. В период XIX – начале XX вв. исключение составляли женщины, являвшиеся представительницами известных предпринимательских фамилий. Например, среди династии Морозовых наиболее известной являлась Варвара Алексеевна Морозова, которая всю свою жизнь посвятила благотворительности, способствуя развитию культуры и науки в России. На её средства были построены психиатрическая клиника, научно-исследовательская лаборатория Ботанического сада, здание Рогожского женского начального училища в Москве и др.

Подводя итог, нужно отметить, что у женщины действительно были некоторые права, такие как руководство церковными делами, домашним хозяйством, воспитание детей. Однако большим уважением пользовались либо старообрядческие женщины-монахини, либо женщины из богатых, знаменитых династий, обычная же женщина-старообрядка находилась в подчиненном положении, могла подвергаться дискриминации и унижению, а это значит, что ни о каком равноправии между мужчиной и женщиной в старообрядческой общине речи и быть не может.

Литература

- 1 Белякова, Е. В. Женщина в православии: церковное право и российская практика / Е. В. Белякова, Е. Б. Емченко. – Москва : Кучково поле, 2011. – 770 с.
- 2 Ясевич-Бородаевская, В. И. Борьба за веру. Историко-бытовые очерки и обзор законодательства по старообрядчеству и сектантству / В. И. Ясевич-Бородаевская. – Санкт-Петербург, 1912. – 696 с.

Э. А. Луц

*Науч. рук. Н. В. Корникова,
ст. преподаватель*

КОСТЕЛ СВЯТОГО КАРЛА БАРОМЕЯ В ГОРОДЕ ПИНСКЕ

Актуальность данной работы определяется значимостью рассматриваемой проблематики с краеведческой точки зрения, а также ее важностью для популяризации отечественного историко-культурного наследия на современном этапе.

В Пинске, одном из древнейших городов Беларуси, сохранился целый ряд заслуживающих внимания памятников историко-культурного наследия. Среди них одним из интереснейших является здание костела Святого Карла Баромея.

В 1695 году из Италии в Пинск прибыла группа светских (белых) ксендзов, их объединение имело много названий – бартоши, бартолиновцы, варфоломиты. Именно для них и был возведен деревянный костел в предместье Каролин. Ксендзы-бартолиновцы активно занимались общественной деятельностью – обучали детей и молодежь, открывали семинарии и школы. В 1770 году было принято решение начать строительство нового каменного храма на месте уже существовавшего деревянного костела. Он открыл свои двери для прихожан в 1782 году. Храм освятили в честь Святого Карла Баромея в 1784 году [1]. В конце XVIII века для варфоломитов наступили непростые времена. Постепенно масштабы их деятельности в Пинске значительно сокращаются. В 1836 году, когда умирает последний ксендз Исидор Контонович, работа их объединения была полностью приостановлена. После этого костел

долгое время находился в запустении. Однако в 1860 году горожане собрали деньги на его ремонт. После ремонта храм снова освятили под именем Святой Троицы. В 1912 году он присоединяется к костелу Успения Девы Марии.

После Великой Отечественной войны храм продолжал богослужения по католическому обряду, но в 1960 году был закрыт советской властью, и здание постепенно пришло в упадок. Реставрация этого костела произошла в 2013 году, но в лоно церкви здание не вернули, и на данный момент в нем расположен концертный зал камерной музыки [2, с. 81].

Стоит отметить, что в архитектурном плане костел Святого Карла Баромея представляет не меньший интерес, чем в историческом. Это памятник архитектуры, в котором сочетаются элементы барокко и замкового зодчества предшествующей эпохи. Храм представляет собой однефную безапсидную постройку с массивными стенами. Несмотря на небольшие размеры костела, в его внешнем облике ощущается монументальность. Барочным является убранство окон верхнего яруса башни. Завершение башни в виде комбинации своеобразного шатра с куполом – также элемент барокко [3, с. 215–216]. К сожалению, из-за того, что храм на данный момент не используется как молитвенное место, внутреннее убранство не сохранилось.

Литература

1 Vetliva.ru – гид по Беларуси. – Режим доступа : <https://vetliva.ru/tourism/what-to-see/kostel-svyatogo-karla-baromeya-v-pinske/>. – Дата доступа : 16.04.2020.

2 Города-музеи: путеводитель / [концепция, составление, фото С. Плыткевича; текст А. Вараввы и др.]. – 2-е изд., доп. – Минск : Рифтур, 2008. – 83 с.

3 Памятники и памятные места Беларуси / В. А. Чантурия, Ю. В. Чантурия. – Изд. переработанное и дополненное. – Минск : Харвест, 2015. – 414 с.

Е. В. Могилевец

Науч. рук. С. Ф. Веремеев,

канд. ист. наук, доцент

НАЗНАЧЕНИЕ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II НА ПОСТ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО В ВОСПОМИНАНИЯХ СОВРЕМЕННОКОВ

Тяжелое положение Северо-Западного фронта в августе 1915 г. требовало от императора Николая II активного вмешательства. Это привело императора к мысли о принятии функций Верховного главнокомандующего на себя. Поражение у Ковно лишь укрепило его в этой мысли. 8 августа 1915 г. Ставка Верховного главнокомандующего была перенесена в Могилев, дальше от фронта. Император также оповестил командующего Ставкой князя Николая Николаевича о желании принять Верховное главнокомандование и взять в помощники генерала М. В. Алексева. Начальник дворцовой охраны А. И. Спиридович вспоминал, что это решение не поддержал ни Совет Министров, ни Государственная Дума. Общество находило опасным удаленность императора от Петербурга, отвлечённость его от государственных дел [1, с. 179]. Военный журналист М. Я. Белевская, проживавшая тогда в Могилёве, также вспоминала, что никто из жителей города не радовался назначению императора на пост Верховного главнокомандующего. В связи с этим в обществе появилось невольное предчувствие надвигающейся катастрофы [2, с. 14–15].

В сентябре 1916 г. французский дипломат Морис Палеолог присутствовал на обеде графини О. В. Гогенфельзен, где встретил госпожу А. А. Вырубову, фрейлину императрицы Александры Фёдоровны. А. Вырубова пересказала М. Палеологу слова императора, в которых Николай выражал покорность судьбе и Богу, уверенность в решении принять на себя роль Верховного главнокомандующего, считал себя необходимой искупительной жертвой для спасения России. М. Палеолога эти слова заставили ужаснуться, так как идея подчинения